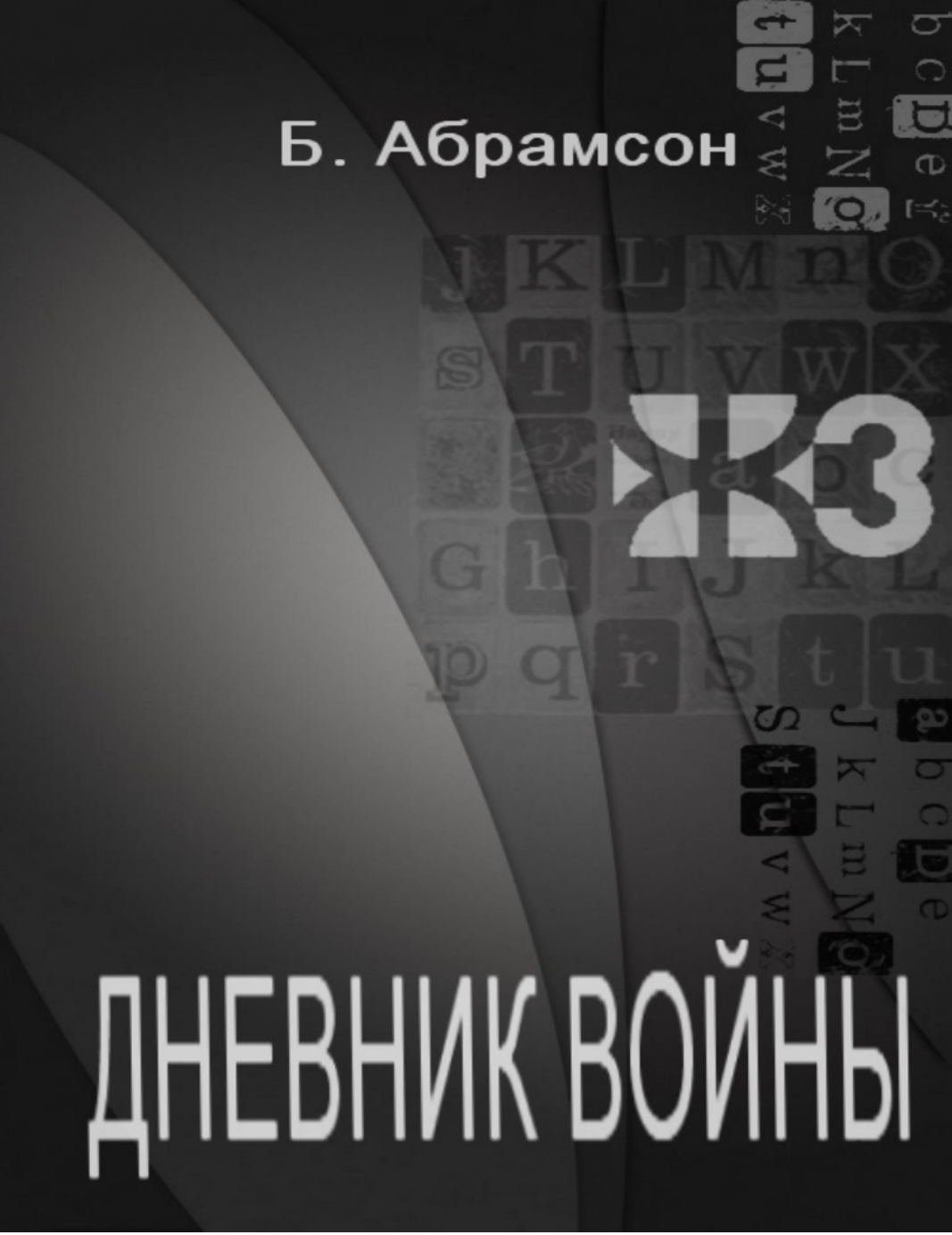
Б. Абрамсон



ДНЕВНИК ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневник военного врача Бориса Петровича Абрамсона.Записи велись с 1941 по 1943 год.

- Б. Абрамсон
  - ○
  - ○

Б. Абрамсон
ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Война и время

Мой отец, Борис Петрович Абрамсон, родился в 1905 году в Варшаве и был младшим из троих детей. В 1912 году мой дед — коммерсант, занимавшийся производством и продажей корсетных изделий, — перевез семью в Петербург, получив право жительства как купец 1-й гильдии. Дальнейшие события известны: Первая мировая война, революция, гражданская война… Два года семья провела в Екатеринбурге.

В 1921 году, шестнадцати лет, отец по настоянию родителей (склонности у него всегда были гуманитарные, но надо было получать профессию и зарабатывать на хлеб!) поступил в Первый Ленинградский медицинский институт, увлекся хирургией и нашел в ней свое истинное призвание. После окончания института (1926) и годичного экстерната (1927) был оставлен ординатором в пропедевтической хирургической клинике. В 1931 году был назначен штатным ассистентом 3-й хирургической клиники Первого ЛМИ, лечебной базой которой была больница им. Куйбышева (прежняя и нынешняя Мариинская больница). В том же году он женился на Марии Дмитриевне Комаровой (мама закончила институт тремя годами позже отца и работала хирургом в одной с ним клинике). В 1933 году у них родилась дочь Ирина.

В 1936 году Б. П. Абрамсону была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук (без защиты диссертации); в 1939 году он получил звание доцента.

В 1940 году, защитив диссертацию «Переливание крови в свете клиники и эксперимента», стал доктором медицинских наук.

Лечебная работа в больнице сочеталась у Бориса Петровича с интенсивной научной деятельностью. Он занимался проблемами переливания крови, острым аппендицитом, другими вопросами неотложной хирургии, был тесно связан с Хирургическим обществом им. Пирогова, постоянно печатался в медицинских журналах. Одновременно он преподавал в своем родном институте — читал курс общей хирургии и как лектор пользовался необыкновенной популярностью. По воспоминаниям

бывших студентов, аудитория нередко провожала его аплодисментами.

Перед войной отец перешел на работу в больницу им. Карла Маркса (Оренбургская, 4) и продолжал преподавание. Маму и меня он успел отправить в эвакуацию в первое военное лето, сам же остался в осажденном городе со стариками родителями. Обо всем, что было после, он рассказал в своем Дневнике войны. Общая тетрадь в линеечку, в кожаной черной обложке, заполненная его быстрым, летящим почерком, бережно хранится в нашей семье вместе с огромным количеством отцовских писем, довоенных и военных.

В Дневнике встречаются многочисленные фамилии врачей — сослуживцев отца и сотрудников Первого ЛМИ. Среди самых известных — Юстин Юлианович Джанелидзе (Джан), Антон Мартынович Заблудовский (А. М.), Николай Философович Виноградов, Петр Андреевич Куприянов, Николай Николаевич Петров, Георгий Федорович Ланг, Вильгельм Адольфович Шаак, Георгий Владимирович Шор. Все они в разное время заведовали институтскими кафедрами общей и госпитальной хирургии, у многих отец учился, со многими его впоследствии связывали дружеские отношения. Во время блокады он работал в тесном сотрудничестве с Николаем Григорьевичем Сосняковым и со своей преданной ученицей Евгенией Савченко. В Дневнике упоминается и один из его довоенных друзей — военно-морской хирург Георгий Френкель.

Ценой невероятных усилий Борис Петрович сумел спасти жизнь своих родителей, Петра Осиповича и Берты Адольфовны. Он постоянно бывал в прежней родительской квартире на улице Марата, 11, давно превращенной в коммуналку. Неподалеку, в доме 11 по Дмитровскому переулку, до войны жила семья его сестры Цецилии Петровны (Цилютки). Ее муж, Яков Ефимович Закгейм (Яшунька), коммерческий директор Пассажа, был любимым родственником моего отца. Другой Яша, упоминающийся в Дневнике, — старший брат отца Яков Петрович, московский инженер-металлург. Очень близким для всей нашей семьи человеком с довоенного времени была домработница моей тетки Мария Николаевна Михайлова (Манечка).

Благодарную память о Борисе Петровиче долгие годы сохраняли спасенные им пациенты, бывшие ученики и коллеги. Все говорили о том, какой это был удивительный человек. Я провела рядом с ним, в постоянном общении, первые восемь лет — самых счастливых лет своей жизни. Боль от потери отца и неизбывное чувство вины перед ним у меня, уже старой женщины,

не проходит и не пройдет никогда.

И. Комарова

В случае моей смерти прошу переслать настоящую тетрадь по адресу: Уфа-12, п/я 221, д-ру М. Д. Комаровой/

29 ноября 1941 г.

Сегодня ровно два года от начала финской войны. Как и тогда, стоит гнилая, пасмурная и сырая погода. Оттепель началась лишь сегодня — весь ноябрь был удивительно ровным, свежим зимним месяцем.

Сегодня решил начать записи: события — общие и частные — следуют быстро одно за другим, в памяти трудно удержать впечатления проживаемых дней. Надо все записывать. Жалею, что не начал делать это раньше.

Коротко о минувшем.

Начало войны — 22 июня — застало нашу небольшую семью на даче, в Курорте, это был второй день нашей дачной жизни. С большими трудностями перебрались в город.

В клинике начался разъезд врачей на фронт. Первыми ушли Козачинский, Френкина, Берингер.

С 28 июня я назначен главным врачом больницы. Сразу новый круг работы в крайне трудных условиях нервозной обстановки. Начинается эвакуация детей.

4 июля отправляю дочку с Домом ученых в Углич. С ней моя сестра и няня, племянница — Люленька.

13 июля внезапный приезд сестры, срочные сборы и отъезд жены к ребенку на станцию Волга, под Рыбинском — 15 июля.

С этого времени я остаюсь один с родителями. Живу больше в больнице или на Марата. Частые ночные вызовы в больницу, очень тревожное состояние: середина июля — стремительное движение немцев к Ленинграду, захват Пскова, Луги. Очень волнующий ночной приказ — сжечь все документы в ночь на 16 июля.

В клинике не работаю из-за административной нагрузки. Там работают, кроме А. М. [Заблудовского], Логвинский, Арлиевский и Шухтина. Все остальные на фронте и в госпиталях.

В конце июля уходят еще двое — остаются Сосняков и Шухтина. Приходит новый врач Березовский, оказавшийся

хирургом низкой квалификации с крайне низким моральным уровнем. К счастью, через полтора месяца он исчез. 8 августа клиника получает четырех молодых врачей выпуска 1941 года. Работать становится несколько легче.

Работа в клинике носит покуда мирный характер — «доделываем» плановые операции, идут острые аппендициты, немного травмы. С середины июля начинают поступать эвакуированные раненые, обработанные кое-как.

Августовские дни особенно тяжелы — нажим на Ленинград усиливается, в городе чувствуется растерянность, эвакуация, объявленная обязательной, фактически невозможна — все дороги от Ленинграда, в том числе и Северная, отрезаны врагом. Начинается блокада города.

Продовольственное положение в городе еще сносное. По карточкам, введенным с 18 июля, выдается по 600 гр. хлеба, работают коммерческие магазины, рестораны. Уже с 1 сентября нормы уменьшаются, коммерческие магазины закрыты.

С 26 августа после настойчивых просьб я сдаю должность главного врача и возвращаюсь в клинику, где к этому времени работают уже только А. М., Сосняков и четыре молодых врача. Шухтина мобилизована.

На фоне крайне напряженной обстановки 1 августа начинаются учебные занятия с третьим курсом. Лекции и практические занятия посещаются полностью, аудитория переполнена, читать лекции хорошо и приятно. Но уже 15 августа весь третий курс мобилизован на оборонные работы, и учебные занятия прерываются на целый месяц.

От родных получаю тревожные телеграммы — запрашивают разрешение на возврат в Ленинград. Даю согласие. По счастью, Муся удерживает сестру от этого шага, который был бы источником тяжелых страданий для всех нас.

Сентябрьские дни в Ленинграде особенно тяжелы — кольцо вокруг города сжимается, враг занимает близлежащие пригороды. 6 сентября падает первая фугасная бомба — ночью разрушен дом № 119 по проспекту 25 Октября. С 8 сентября налеты становятся ежедневными, точнее еженощными. Эти страшные темные ночи запомнятся надолго!

19 сентября тремя огромной силы бомбами разрушен Дмитровский переулок. По счастливой случайности уцелела Маня. Мало пострадала и квартира сестры.

В клинике начинаются массовые поступления пострадавших от бомб. Ужасающая картина! Тяжелейшие комбинированные

травмы, дающие огромную смертность.

23 сентября смерть коснулась и нашей семьи — погибла на фронте Танечка Панич, моя любимая кузина, молодой врач, только что окончившая институт.

Бомбардировки продолжаются ежедневно весь сентябрь, октябрь и ноябрь. Небольшое затишье с 20 по 26 октября объясняется нелетной погодой. С начала октября город начинает подвергаться систематическому обстрелу из дальнобойных орудий. К этому времени мы уже легко различаем: звук разрыва фугасной бомбы, выстрелы зенитки, удар дальнобойного, свист бомбы, свист снаряда, падение кассеты с зажигательными бомбами. Непосредственное знакомство с ними получено в ночь с 17 на 18 октября, когда на больницу было сброшено 29 бомб. Все они были погашены своими силами. Рядом с больницей пылал деревянный дом, близко по ориентиру огня падали фугасные бомбы. Я в это время оперировал прободную язву желудка…

12 октября бомба разрушает дом № 13 по улице Марата. Я с волнением спешу домой и нахожу квартиру невредимой. Рядом — ужасающая картина разрушения с большим числом жертв.

А между тем в клинике идут нормальные учебные занятия, регулярно читаю лекции, однако без обычного подъема — аудитория полупуста, особенно в вечерние часы, перед «обычной» тревогой. Кстати, звук сирены, уже такой знакомый, до сего дня кажется невыносимым; в такой же степени приятна музыка отбоя… И жизнь идет своим чередом — возобновились концерты в Филармонии, театры и в особенности кино переполнены.

В клинике проходит исключительно богатый и поучительный материал: необычайная эпидемия прободных язв. За последние два месяца их прошло не менее пятидесяти. Очень много илеусов,1 ущемленных грыж, исчезают аппендициты.

Сказывается голод! В октябре, а в особенности в ноябре я его остро чувствую. В особенности болезненно переживаю недостаток хлеба. Мысли о еде не оставляют меня днем и особенно ночью. Стараешься побольше оперировать, время идет быстрее, голод не так ощущается… К дежурствам через день уже в течение двух месяцев привык, всю тяжесть хирургической работы выносим мы с Николаем Сосняковым. Обеды через день в больнице дают намек на насыщение.

Голод всюду… Ежедневно в больницу поступает 10–15 истощенных людей, погибших от голода. Запавшие застывшие глаза, осунувшееся землистое лицо, отеки на ногах.

Тягостное впечатление производят отлеты из Ленинграда.

Эвакуировалась Военно-медицинская академия. Вчера должен был улететь А. М. Прощание было печальным.

Итак, со вчерашнего дня я заведую клиникой общей хирургии Первого Ленинградского медицинского института. Завтра улетают Джан и Ланг. Настроение становится мрачным.

По вечерам часто выключается свет. В эти минуты ясно представляю себе и я отъезд из осажденного города. Рисую себе картину приезда к родным, к Мусе и Ирочке, в Уфу, их радость от нашей встречи… Как далеки эти мечты от тяжелой действительности…

Говорят, что мы герои. Может быть и так, но я не чувствую себя героем, хотя и привык оперировать под звуки рвущихся на расстоянии 50 метров фугасных бомб и снарядов и читать лекции под звуки зениток.

На сегодня хватит. Завтра очередное дежурство.

1 декабря 1941 г.

Вчерашнее дежурство было особенно тяжелым. С двух часов дня подвезли сразу 26 раненых, пострадавших от артиллерийского обстрела — снаряд попал в трамвай. Очень много тяжелых ранений, преимущественно раздробления нижних конечностей. Тяжелая картина. К ночи, когда закончились операции, в углу операционной — груда ампутированных человеческих ног…

После двухдневного старта вчера улетел Заблудовский.

Сегодня знаменательный день. Был в институте, проведен с 1 декабря приказом временно исполняющим обязанности зав. кафедрой общей хирургии. Как я ждал этого дня! А сегодня — никакого чувства. Угнетающе действуют отлеты из Ленинграда, поговаривают об эвакуации института в целом, но это еще очень туманно.

Вчера говорил с Френкелем по телефону. Настойчиво зовет меня во флот. Не могу решиться. Оставить сейчас институт и больницу — катастрофично для учебного и лечебного дела, идти на новую работу тоже трудно. Так и не знаю, что делать. Единственный плюс — это реальная возможность эвакуации с армией в критический момент. Но хочется верить, что этот момент не настанет.

Сегодня у нас большая радость — пришла телеграмма от Яши, он эвакуирован с заводом в Ульяновск. Сегодня же пришла открытка от Цилютки. Пишет мало, но ясно, что Муся работает в госпитале, чему я очень рад.

О доченьке ничего не пишет.

Сейчас 9 часов 30 минут вечера. Уже полчаса длится ночная тревога. Только что упала рядом фугасная бомба.

Удивительно спокойны старики!..

7 декабря 1941 г.

Сегодня — воскресенье. 24 недели войны… Пишу при свете лампадки, заправленной подсолнечным маслом. Жаль масла, но в полной темноте совсем неприятно…

За истекшую неделю в клинике больших событий не было. Раненых не прибавилось, зато по-прежнему много прободных язв. Больница завалена больными с «гипопротеинемией»…1 Тяжелое впечатление производят эти больные.

Во вторник был у Ю. Ю. [Джанелидзе]. Попрощался с ним. Он заверил меня, что вопрос об эвакуации института решен, речь идет о выборе места, о технике проведения этой операции. В четверг он улетел. Вчера узнал о предстоящем отлете Шаака, Ланга и Шора. А между тем говорили, что они дождутся общей эвакуации института…

Очень трудно жить. Работа съедает много сил, часто приходится ходить пешком из дому в больницу и обратно, надоело непрестанное чувство голода, постоянные мысли о еде, днем и ночью…

Единственной радостью в эти дни были полученные третьего дня письма от дочульки, Муси и Цили. Они устроены очень хорошо, сыты и теплы. Мулька хорошо и наверно с успехом работает. Как бы хотелось вдруг приехать к ним нежданно! Часто себе представляю эту картину…

Сегодня очень холодный день. Ночи темные, страшные. Утром, с приходом в клинику, еще темно. И там часто нет света. Приходится оперировать при керосине и при свечах или при летучей мыши. Мне даже нравится эта приспособляемость! И удивительно хорошо проходит вся полостная хирургия — почти все резекции кишечника, прободные язвы идут хорошо.

И только нет сил и настроения для научных обобщений. Да и нет хороших мыслей!

30 декабря 1941 г.

Итак — завтра кончается 1941 год. Встречу Новый год один, в клинике. Каким он будет, этот новый год?!

Декабрь принес целый ряд утешительных вестей. 13 декабря объявлено о резком переломе на Западном фронте. Улучшилось положение и на Ленинградском фронте, и в Тихвине. 25 декабря прибавили норму хлеба — теперь я получаю 350 гр. в день. В воздухе стало спокойно. С 5 декабря было только две тревоги, да и те «пустые». Стоят жестокие морозы, правда не такие, как зимой 1939 г., но все же дело доходит до 25–30 градусов.

В клинике леденящий холод, очень трудно стало работать, хочется поменьше двигаться, хочется погреться. А главное все же голод. Это чувство почти невыносимо. Беспрестанные мысли о еде, поиски еды вытесняют все другое. Мало верится в близость коренного улучшения, о чем изголодавшиеся ленинградцы много говорят… В институте с серьезным видом готовятся к зимней сессии. Но как она может пройти, если студенты более двух месяцев почти не ходят на практические занятия, очень плохо — на лекции и вовсе не читают дома! Занятий фактически нет, но Ученый совет собирается аккуратно, через понедельник, и слушает защиту диссертаций. Все профессора сидят в шубах и шапках, все осунулись и все голодны. 22 декабря впервые выступал оппонентом на защите диссертации (Данович — Наркоз закисью азота).

В клинике работы стало меньше, воздушных налетов нет, дальнобойные бьют реже, а мирной хирургии стало меньше — экономия транспорта. Все чаще выключается свет, недавно заканчивал прободную язву при свете коптилки, шить пришлось почти на ощупь. А главное — холод не располагает к широкой хирургической работе. Делаем с Сосняковым только самое неотложное.

Вчера получил от Муси несколько старых, октябрьских писем. Им живется неплохо, но, видимо, омрачают мысли о нашей судьбе. 2 января дочульке исполняется девять лет. Большая девуха! Какова она, изменилась ли? Часто поглядываю на ее портретик и слышу ее голосок.

Сегодня впервые за полгода у меня выходной день! Побывал в театре, в Музкомедии — посмотрел «Три мушкетера». В холодном и большом зале театра Пушкина около сотни продрогших зрителей, в шубах и галошах. Мрачно смотрят на бедных актеров, синих от холода и плохо разыгрывающих скучную оперетту.

Побывал у Заблудовских. От них никаких сообщений, хотя прошло уже больше месяца со дня их отъезда…

Сейчас сяду за письма. Следующая запись — уже в 1942 году!

5 января 1942 г.

Вот и начался 1942 год…

Встретил его в клинике, на дежурстве. К вечеру 31 декабря начался жестокий артобстрел района. Привезли раненых. Обработку закончил за пять минут до начала нового года.

Начало это безрадостно. Видимо, уже близится предел человеческих испытаний. Иссякли все мои дополнительные источники питания — вот он, настоящий голод: судорожное ожидание тарелки супа, притупление интереса ко всему, адинамия. И это ужасающее равнодушие… Как безразлично все — и жизнь, и смерть… Все чаще вспоминается екатеринбургское предсказание о моей смерти на 38-м году жизни, то есть в 1942 году…1

Резко осунулись старики, особенно отец. Мать ходит больная, раздраженная.

Крайне угнетает общий развал городского хозяйства. Света нет вовсе уже больше недели — длинные зимние вечера проводим при свете коптилки. Воды нет, канализация не работает. Трамваи не ходят. В клинике все это еще ужаснее. Особенно беспросветная тьма. С 6 часов вечера до 9 часов утра люди — как кроты, даже коптилки нет. Подходим к больным с лучиной. Ничего не оперируем и как-то, к счастью, стало меньше прободных язв, а то пришлось бы ждать до дневного света часов пятнадцать!

Вчера в 6 часов утра останавливал вторичное кровотечение из раны шеи. Никогда не забуду этой операции! И при всем этом леденящий холод, особенно в клинике.

Все чаще думаешь о встрече с семьей и в то же время понимаешь, как это далеко и неосуществимо! Увижу ли я еще свою золотую Ирусеньку, Мусю?

15 января 1942 г.

Уже и середина января… Быстро бегут дни и недели — этому помогает размеренная жизнь: дежурство в клинике, возвращение домой, снова дежурство и так три раза — неделя прошла. Каждый день кажется пределом страданий, но следующий приносит еще большие. И все же проклятая надежда… Она еще удерживает от необратимых решений!..

Больно смотреть на ужасающий развал больницы. Жестокий, все сковывающий холод, температура в палатах около нуля, в операционной 3–5 градусов. Мрак. Лопнувшие батареи и трубы, всюду лужи замерзшей воды. Померзла кровь на леднике. Операций по-прежнему мало, но все же вчера вводил спицу в

бедро, сегодня раскрывал тяжелую флегмону кисти. Ходим по отделению в шубах; больные лежат в своих полушубках, в валенках на голых матрацах, кишмя кишат вшами. У меня самого ощущение постоянного зуда…

А голод по-прежнему сдавливает горло все больше и больше. Иссякли всякие побочные источники, больше двадцати дней никаких выдач. Я еще как-то держусь, у Соснякова отекли ноги, лицо осунулось; буквально погибают от голода трое наших молодых врачей. А вне больницы еще более мрачная картина. Беспрестанно тянутся по улицам санки с кое-как завернутыми трупами. Вымирающий город!.. Холод, мрак, отсутствие воды.

Не знаю, как еще держатся старики. Настоящий подвиг будет, если мне удастся протянуть их живыми через эти страшные испытания.

И на фоне этого какой иронией звучит представление меня к ученому званию профессора, состоявшееся на последнем Совете института. Что же — буду умирать (а может быть жить? — опять надежда!) профессором…

Прибыли две телеграммы от Муси. Теперь я только понимаю, какое это настоящее счастье, что их здесь нет. Представляю себе, каково бы мне было видеть страдания голодного ребенка и как невыносимо трудно было бы мне жить и работать. А сейчас — они пишут, что счастливы… Вероятно, это так и есть. Они не знают мучений голода и стужи, они спокойны за свой завтрашний день.

А здесь? С ужасом ждем весны с ее новыми воздушными налетами. Насколько кошмарнее будут страдания от этих налетов теперь, при догорающих силах населения, при полном отсутствии возможности оказать населению помощь. Какая же может быть массовая хирургическая помощь в нашей больнице! А такая картина, оказывается, во всех больницах города.

Жизнь в институте почти совсем замерла. Последние полтора месяца развалились занятия, но лекции кое-как тянулись. И вот вчера состоялась последняя лекция, та самая, которой ждешь целый год!.. В кабинете профессора собралось 8 студентов — это и была моя последняя аудитория…

12 февраля 1942 г.

Почти месяц не прикасался к дневнику. Нелегкий был этот месяц! Жгучие морозы, до 36 градусов, стояли весь январь. Положение с питанием прогрессивно ухудшалось, а дни 27–30 января будут особенно памятными: в эти дни исчез из продажи и хлеб. Бесконечные очереди на лютом морозе выстраивались с

часу ночи и нередко стояние было бесплодным. Старики мои почти три дня не видели хлеба. 30 ноября я принес им буханочку — надо было видеть, как они на нее набросились.

В январе иссякли все мои ресурсы, и я решил взять стариков в больницу. 1 февраля погрузились на санки и отправились втроем пешочком. Кое-как дошли и устроились. С этого дня и до сих пор все живем в клинике — мама вполне сносно, в теплой комнате в 3-м хирургическом отделении вместе с Женей Савченко, папа несколько хуже, но тоже в тепле. Зато я вовсе окоченел в холодном рентгеновском кабинете — нашей теперешней базе. Чувство холода сковало меня полностью, появилась злобная раздражительность, неприязнь к больным, равнодушие… И каким страшным стало лицо хирургии зимы 42-го года! Обходы — в шубе с поднятым воротником и в шапке, перевязки в палатах нестерильным материалом и инструментами. Делаем и кое-какие операции — за месяц было несколько ущемленных грыж, две прободные язвы; ампутации, спицы. Все это делаем в отепленной 3-й палате первого хирургического отделения, только днем, без стерильных халатов и в присутствии больных…

Несчастные окоченевшие больные лежат, прикрывшись шубами и грязными матрацами, кишмя кишат вшами. Воздух пропитан гноем и мочой, белье грязное до черноты. Воды нет, света нет, уборные забиты, в коридорах вонь от неслитых помоев, на полу полузамерзшие нечистоты. Их не выливают вовсе или сбрасывают тут же, у входа в хирургическое отделение — храм чистоты!.. И такая картина во всем городе, так как повсюду с конца декабря нет тепла, нет света, воды и канализации. Всюду видны люди, таскающие воду из Невы, Фонтанки (!) или из каких-то скважин на улице. Трамваи не идут уже с середины декабря. Привычными уже стали валяющиеся на улицах трупы полураздетых людей, мимо которых с равнодушием проходят пока еще живые. Но все же более страшное зрелище — грузовики-пятитонки, доверху груженые трупами. Кое-как прикрывши «груз», машины свозят их на кладбища, где экскаваторами роются траншеи, куда и сбрасывают «груз».

На днях в покойницкой поймали мужчину, искавшего труп «помоложе». Он оказался инженером, спокойно и здраво рассуждавшим. Он не видит ничего предосудительного в людоедстве, привел примеры из северных экспедиций и т. п. Сбитые черепа с исчезнувшими мозгами, случаи убийства «на мясо» перестали быть редкостью. А о судьбе свежеампутированных голеней и бедер и говорить не приходится. Мы с Сосняковым слышали даже отзывы о вкусовых качествах подобных блюд…

Таков был январь 1942 года. И не помогли здесь прибавки хлеба, которые, кстати говоря, стали сейчас реальными. Напомню себе, что норма для рабочих с 800 гр. в день спустилась через 600, 500, 400 и 300 до 250 гр. в ноябре и держалась так больше месяца (служащие и иждивенцы получали по 125 гр.). 25 декабря дали рабочим 300, а остальным 200 гр. 24 января стало 400 рабочим, 300 служащим и 250 остальным. И наконец со вчерашнего дня 500, 400 и 300.

И все же мне нехватает 500 гр. хлеба в день. Изрядно меня, по-видимому, истрепал голод! Вчера одна из моих знакомых при встрече со мной заплакала — до такой степени я, по ее словам, изменился. Впрочем, я сам этого не замечаю…

И вот с 10 февраля я в «стационаре для дистрофиков» — учреждение на тридцать человек, где прежде всего тепло — вот и сейчас в комнате, где я пишу, 15 градусов тепла, — спокойно, довольно чисто и относительно сытно. Кормят три раза в день, дают по 60 гр. масла, 60 гр. сахара, 100 гр. мяса и 500 гр. хлеба. Маловато, но все же лучше, чем в больнице. И главное — тепло. Сейчас я много лежу, читаю и постепенно «оттаиваю». Собираюсь пробыть здесь до конца месяца и затем уступить место Соснякову. К счастью, работы в клинике сейчас немного и можно справиться одному из нас с оставшейся молодежью.

В городе снова усилилась волна эвакуации. Это движение очень заразительно, и если бы я был один, я вероятно бы уехал. Но тронуться в путь со стариками — невозможно. Да и жаль бросать квартиры сейчас, когда казалось бы самое страшное уже пережито! Но так ли это? Никто сказать не может. Не знаем, что несет с собой весна для многострадального Ленинграда. Новые налеты, новые попытки штурма города, эпидемии, химическая война? Будет ли это нам поднесено?

И все же ждем весны, как избавления. Проклятая надежда! Неужели она и сейчас нас обманет!

Был бы рад уехать с институтом, но об этом только болтают и не больше. Шор прилетел в Казань и там осел. Пишет оттуда, что институт назначен на эвакуацию в Иркутск. Но разве можно это сейчас осуществить?

На фоне этих мрачных мыслей бесконечно радует судьба моей маленькой родной семьи. Муся отлично работает в госпитале под Уфой, дочулька здорова, растет и умнеет. Сегодня получил письма, которые перечитывал с радостью.

Когда-то мне суждено будет их увидеть и где эта встреча произойдет?!

22 февраля 1942 г.

Сегодня ровно восемь месяцев войны. И какой страшный удар нанесен нашей семье! Вчера пришла Маня и показала полученную зловещую бумагу: 1-го января убит Яша!! Милый мой, родной, незабвенный Яшунька — уже тебя больше нет и не будет, не увидим тебя, твоих умных глаз, не услышим твоего голоса. «Похоронен на берегу реки Ошуй, Чудовского района, Ленинградской области». Бедная Цилюточка, беспомощная с Люлей, как она перенесет этот страшный удар! Не говорю об этом ничего и старикам — это их убило бы. Сегодня же ночью умер в больнице от истощения Абрам Панич — мама теряет уже второго и последнего своего брата. Итак, уже три смерти — три жизни отданы на алтарь этой страшной войны. Не хватит ли для одной семьи?..

Эти два дня много плачу один, сейчас слушал радио, вспомнил, как мы с Яшунькой «ловили» по ночам заграницу, как он это любил. И снова рыдания душат горло — не перед кем излить глубину этого горя!.. Во имя чего отдал он свою молодую, полную сил, ума и энергии жизнь? За что отдала свою жизнь Танюша?

Все ли это, однако, для нашей семьи?

Вновь заговорили в институте об эвакуации, на этот раз более серьезно. Завтра на Совете вопрос выяснится окончательно. Институт едет в Архангельск. Хочу ехать со стариками и Манечкой. Все бросаю и бегу из этого страшного, мертвого города…

26 февраля 1942 г.

Все еще стоит зима — сегодня 22 градуса мороза. Продолжается обстрел города: вчера упали дальнобойные снаряды на Литейном, на Невском. После двух с половиной месяцев перерыва появилась первая весенняя ласточка — тревога — 19 февраля. Длилась около получаса и прошла тихо.

Вчера был у Манечки, снова поплакали друг с другом над его портретом, над милым лицом Яшуньки. Горечь этой утраты теперь волнами набегает на душу, особенно при воспоминаниях, на которые наводят всякие мелочи — лестница на Дмитровском, пропуск в Пассаж, пальто его, письма, такие заботливые к Мане письма. Уже вернулось одно из моих писем «за невозможностью вручить адресату». Значит, ошибки быть не может. Скоро и к Цилютке начнут возвращаться письма — как-то она перенесет этот страшный удар судьбы…

23 февраля состоялся Совет института. В этот безрадостный

день мне присвоили ученое звание профессора. Какое было бы торжество, какое счастье и радость, если бы все это было на один год раньше! Итак, теперь я окончательно утвержден в звании профессора. А на душе полный мрак.

На том же заседании выяснились довольно определенные перспективы института. Эвакуация института принципиально решена. Место эвакуации — Архангельск. Возможные сроки — 10–15 марта. Профессура едет в обязательном порядке, без ограничения числа иждивенцев. Квартиры по-видимому бронируются. Я беру с собой родителей и Манечку. Содрогаюсь при мысли о предстоящей поездке: так это все сложно, такой это крах всей предыдущей жизни! Но надо на это идти… Все же это приближает момент долгожданной встречи с семьей.

Только довезти бы стариков! Мама только что перенесла тяжелый колит. Вчера заболел папа — резко ослаб и осунулся. Тоже колит, температура 39, бред… Неужели еще не кончились мои страдания?

Вчера прошел по городу. Мрачный, опустевший, загаженный Ленинград. Лица прохожих обтянутые, серые, злые. Ни одной улыбки. И мало людей!..

В феврале стало сытнее. Кроме прибавки хлеба до 500 гр. на рабочую карточку, выдали 1,5 кгр. крупы, почти 1,5 кгр. мяса. Сахара дали по 300 гр., масла 150 гр. Цены на рынке по-прежнему чудовищные, но все же хлеб подешевел почти вдвое — с 400 руб. за кгр. до 250 руб. Масло расценивается в 2000 руб., сахар — в 1,5–2 тыс. руб. кгр., мясо — 500–600 руб. Очень дороги папиросы — пачка «Беломора» 100–150 руб., коробок спичек — 15 руб.

Но при всем этом идет сплошная распродажа вещей, порой очень ценных и дорогих — за бесценок. Какую прекрасную обстановку и библиотеку можно было бы приобрести, имея не так уж много денег и спокойную перспективу жизни в Ленинграде, спокойную душу!

19 марта 1942 г.

И еще месяц прошел… Близится весна, но все еще стоят упорные холода с температурой до минус 20 градусов, с пронизывающими ветрами. Только в полдень чувствуется солнечное тепло, кое-где подтаивает снег. Скорей бы отогреться!

После длительных и сложных перипетий эвакуация института в Архангельск была отменена. Теперь окончательно отпал вопрос об организованном отъезде. С 23 февраля уже идут занятия по новому учебному году, а с 1 апреля они развернутся полностью.

Студенты переводятся на 1-ю категорию, на котловое довольствие, так что есть перспективы некоторой нормализации занятий. Отмена эвакуации института избавила меня от многих тяжелых часов и дней, связанных со сборами, отъездом, ликвидацией квартир и прочее. Но все же остается ощущение отдаления встречи с семьей. Тоска по семье нарастает все больше и больше. Письмами не насытишься, но хочется читать их каждый день. Дочулька пишет замечательные письма — я их бережно храню и перечитываю по многу раз. Живут они, видимо, несколько хуже, чем раньше, ухудшились условия питания, а работы стало больше у Муси. Разлука и перерыв в письмах действуют на нее угнетающе.

В Ленинграде пока еще не чувствуется радикального улучшения. Питание остается не лучше февральского. За март пока выдали: крупы — 900 гр., мяса — 900 гр., масла — 400 гр., сахара — 600 гр. Хлеба по-прежнему на 1-ю категорию дают 500 гр.

Бытовые условия также пока не изменились: по-прежнему нет света, не идут трамваи, нет воды и канализации. Ожидается с 1 апреля пуск трамвая — ждем!

До 1 апреля, а может и дольше продержу стариков в больнице. К счастью, оба они довольно легко перенесли колит, получив сразу же сульфидин. Колиты при дистрофии ужасны — профузны, зловонны и как правило кончаются смертельно. Хочу сберечь стариков до лучших дней и дождаться встречи со всеми близкими. Теперь уже хочу дождаться встречи здесь, в Ленинграде. Может быть и недалек час, когда мы снова за круглым столом на Марата сойдемся всей семьей и при ярком свете и в тепле будем вспоминать эти дни… И все же эта радость уже отравлена — не будет среди нас милого и родного лица Яшуньки, не услышим его спокойной и уверенной речи, опустеет его уютная квартирка на Дмитровском. Никогда уже мы его больше не увидим!.. Горечь этой утраты все не остывает! Цилюточка уже наверно узнала о своем горе. Как она перенесет его, как вырастит Люленьку? Сделаю все, чтобы заменить ей отца!

Жизнь в клинике по-прежнему омерзительна, грязна и мрачна. Все так же холодно, зловонно и завшивлено. И тем не менее продолжаем оперировать. 8 марта делал большую лапаротомию — спаечный илеус, оперировал в 4-й палате, в присутствии десятка больных. Неделю все шло хорошо, а на девятый день инфаркт легкого, тяжелая пневмония и смерть — больному было 62 года. Прошло несколько ущемленных грыж, много флегмон, переломов.

Ждем смены главного врача, преступно развалившего

больницу. Под его «покровительством» четыре раза разворовывали продуктовую кладовую, разрушена вся отопительная система, водопровод, прачечная — развалено все хозяйство больницы. Немало труда понадобится для восстановления всего этого. Но может быть с теплом все станет лучше. Станет ли лучше?!

26 марта 1942 г.

Снова холодно. Сижу у окна в 3-м хирургическом отделении — перед глазами хирургический корпус с разбитыми стеклами, голые деревья. Метет! Обильный снегопад с ветром! Холодно! Но днем уже тает и чувствуется дыхание весны. Дни стали длинными.

Тоскливо на душе! Из «дому» — из Уфы — получаю тревожные письма: им стало хуже жить, труднее с питанием, дороговизна, Муся издергана и нервничает, Цилютка и того больше, совсем безумствует, хотя и не знает еще главного… Надежды мои на скорую встречу с ними испаряются. Вчера был у Озерецкого1 по поводу командировки — полный отказ. Теперь до сентября и мечтать нельзя вырваться к ним — учебный год рассчитан с марта до сентября, разве что произойдет что-нибудь чрезвычайное, вроде новой эвакуации института. Теперь всеми силами стремлюсь отправить Манечку. Она колеблется, но может быть вдвоем с докторшей, тоже готовящейся к отъезду, она и поедет. Это будет подлинное счастье для Цилютки.

У меня назревают крупные события, которые быть может круто изменят всю мою жизнь. Вчера получил приглашение занять должность главного хирурга эвакогоспиталя № 925. Предстоит большая, ответственная и интересная работа, где можно будет впервые испытать свои силы в качестве руководителя клиники. В голове уже бродят всякие новые мысли и проблемы, над которыми можно будет хорошо поработать! Да и необходимо поглубже окунуться в военную хирургию — опыт осени за последние три месяца как-то потускнел, а в клинике сейчас не вижу перспектив скорого возрождения. Впрочем, больницу и институт я не оставляю — основным местом работы по-прежнему будет Первый ЛМИ, заведование кафедрой общей хирургии.

Учебные занятия в институте развертываются пока весьма вяло. Деканат рассчитывает на апрель, но мне думается, что занятия по-настоящему не пойдут. Лишний довод в пользу госпиталя! Еще сутки буду размышлять, а завтра должен дать

принципиальное согласие или отказаться.

Вчера же вечером прошелся по городу. Мрачная картина «города-героя»… К восьми часам вечера изредка попадаются одинокие прохожие, всюду груды чернеющего снега, талые лужи, несколотый лед…

Около 6 часов дня над головой засвистели снаряды с близкими разрывами. До сих пор еще неприятно действуют эти звуки! Как трудно к этому привыкнуть. Дома еще как-то сносно, а на улице, в районе обстрела — явно неуютно!..

5 апреля 1942 г.

И действительно случилось чрезвычайное — два дня тому назад получено распоряжение за подписью Землячки1 об эвакуации института — всей профессуры и студентов первого и второго курсов — в Пятигорск на два месяца; студенты третьего и четвертого курсов остаются в Ленинграде. Еще вчера утром я имел предписание собраться к 8 апреля, к 11 часам утра, а днем пришло решение Ленсовета об оставлении в Ленинграде всех клиницистов. Едут только теоретики и младшие курсы. По особому списку едут Шаак, Чирковский, Останков. Итак, снова рухнула надежда на встречу с моими дорогими Мусей, Ирочкой, Цилюткой. А в последние дни все острее тянет к ним, хочется бросить все и уехать. Какое-то гнетущее предчувствие не оставляет меня!..

Сегодняшний день ознаменовался крупным событием: после героических моих усилий отправил Манечку в Уфу. В 18.30 в вагоне № 13 (любимый Цилюткин номер!) она с большим багажом отправилась в дальний и трудный путь. Она не одна — с ней моя ученица, энергичная и дельная доктор Савченко, которая довезет ее до самого Юматова. Будем надеяться, что она благополучно доберется — к величайшей радости Цилютки.

Вчера открылась долгожданная «весенняя сессия» воздушных налетов.

В 7 часов вечера с опозданием была дана тревога — налетело около сотни машин, но бомбы падали «по-божески»: я насчитал всего четыре удара фугасных. За эти четыре месяца затишья (последняя «осенняя» бомба упала 4 декабря) мы, оказывается, не забыли этого страшного ощущения толчка снизу, короткого и тяжелого содрогания пола и, через несколько секунд, качания всей мебели. Бомбы попадали довольно близко от больницы…

К вечеру привезли нескольких раненых, в том числе и тяжелых. Ночью около 3-х часов вновь тревога, налет с

иллюминацией снизу, оглушительные хлопки зениток и несколько далеких бомб. Теперь, когда постепенно забывается чувство голода, страх перед бомбами, полная беспомощность действуют гнетущим образом на психику. Особенно тяжело это сознание теперь, когда так хорошо складывалось все с эвакуацией института. А сейчас приходится быть свидетелем развала института! Мне особенно тягостно оставаться фактически не у дел, так как студенты 4-го семестра, начавшие слушать хирургию, уезжают. Читать будет некому!

В связи с планами отъезда приостановил переговоры с госпиталем и сейчас еще не могу найти правильного решения. По новому варианту мне предлагают мобилизоваться, но это значит порвать связь с институтом, что для меня очень тяжело. Завтра будем вместе с начальником искать лучшее решение. Итак — до завтра.

18 апреля 1942 г.

Еще две недели прошли. Наконец-то расцвела настоящая весна. Город очистился, подсох, приосанился. С 15 апреля пошел трамвай. Пущено пока пять маршрутов, но и то приятно. Правда, попасть в трамвай очень трудно, откуда-то вновь появились люди, но все же приятны звуки бегущего трамвая.

Эти две недели прошли спокойно, без налетов, хотя погода — и днем и ночью — казалось бы вполне благоприятствовала им. Усиленно поговаривают и готовятся к химическому нападению. Неужели и это еще предстоит испытать?!

Нынешнее затишье подозрительно. С фронта ничего радикального не сообщается. Все в каком-то напряженном ожидании. Оптимисты ждут чего-то необычайного к 1-му мая, но как-то не верится в чудеса…

Вчера меня срочно вызвали домой по поводу сердечного припадка у отца. Он выписался 15-го из больницы, а вчера, после домашней возни, приступ сердечной астмы. После пантопона с камфорой состояние улучшилось и сегодня он опять в больнице. Мама тоже еще здесь — теперь оба уже до 1-го мая не уйдут домой.

От Муси давно нет никаких известий — не знаю что и думать. Здорова ли Ирусенька? Манечка уехала 5-го, и до сих пор от нее ничего. Известно лишь, что озеро она проехала благополучно.

В клинике работы снова немного, но все же появились первые аппендициты — признак миновавшего голода. Оперируем уже в предоперационной, но по-прежнему без стерильных халатов, в

одних перчатках. С госпиталем я уже договорился — должен был начать работу с 15-го, но начну, по-видимому, с 20-го. Буду работать вольнонаемным.

В институте жизнь внешне продолжается, но по существу никаких занятий нет. Лишь Совет собирается регулярно, выслушивает диссертации и ученые доклады. 8 апреля уехали теоретики, но часть из них осталась (Павлов, Гефтер, Пальчевская), так что считается, что институт весь остался в Ленинграде; пока об отъезде уже не говорят, хотя Страшун по-видимому хочет уехать. Мне лично не хочется уезжать, хотелось бы скорей перетащить семью сюда. Настроившись остаться, я приохотился ко всяким покупкам: это просто интересно для памяти об этих днях. Какая удивительная переоценка ценностей происходит на наших глазах! Вчера я купил дорогие портьеры за 4 рубля — за 4 кгр. хлеба! Дорогие рояли и пианино можно свободно купить за 6–8 рублей — 6–8 кгр. хлеба! Прекрасную стильную мебель — за ту же цену! Отец приобрел неплохое осеннее пальто за 200 гр. хлеба. Зато в денежном выражении продукты крайне дороги — хлеб снова 400 руб. кгр., крупы 600 руб., масло 1700–1800 руб., мясо 500–600 руб., сахарный песок 800 руб., шоколад 300 руб. плитка, коробок спичек — 40 руб.!! Но при всем этом мы сейчас не голодаем и во многих отношениях живем сытнее, чем «за кольцом». Последние два-три месяца город снабжается неплохо, выдается все, что предусмотрено по карточкам. Я уже приостановил потерю веса и даже начал понемногу набирать потерянное. Зато в городе дают себя чувствовать авитаминозы, особенно С. Пошли различные формы цинги.

26 апреля 1942 г.

Вчера и третьего дня мы снова испытали осенние прелести — город подвергся ожесточенному налету воздушных «гостей». Снова хлопки зениток и это незабываемое ощущение толчка снизу от близко падающей бомбы с качанием мебели через несколько секунд. Раненых на этот раз не привозили, бомбы падали в другом районе.

А сегодня знаменательный день — возобновило свою работу хирургическое общество Пирогова. Приятно было вновь побывать в знакомой среде, хотя и значительно поредевшей: «Иных уж нет, а те далече…» Избран новый президиум — Н. Н. Петров, все такой же несравненный Петров, ныне лауреат Сталинской премии, — Куприянов, Самарин, Виноградов. Впредь Общество

будет собираться по воскресеньям через 2–3 недели, если не помешают «воздушные поцелуи»…

Мои личные дела за истекшую неделю мало изменились. В госпитале все еще не работаю, возникли некоторые технические осложнения с моим оформлением, не знаю, удастся ли их преодолеть. Очень бы хотелось окунуться в большую хирургическую работу в надлежащих условиях. В больнице все еще этих условий нет, хотя жизнь с этим не считается.

26-го после артобстрела привезли целую серию тяжелых раненых, в том числе девушку семнадцати лет с открытым пневмотораксом под самой левой ключицей, ранение почки, брюшной полости. Наладил стерилизацию в предоперационной — стало несколько приятнее работать. Отделение чистится к 1-му мая и скоро примет человеческий вид. Да и весь город преображается — теплая, дружная весна осушила улицы, вскрылась Нева и вечерами было так приятно смотреть на заходящее солнце… А сегодня опять зима — с утра выпал снег и весь день дует ветер: близится ладожский лед.

Снова поговаривают об эвакуации, только у меня все больше крепнут оседлые настроения. Все больше хочется остаться и встретиться со своими любимыми здесь, дома, на Марата. Все чаще рисую себе картину встречи, обдумываю убранство квартиры к их приезду, мечтаю о дне рождения дочульки, который так хочется провести в мирной обстановке. Это будет десятилетие Ирусеньки! Какая она сейчас? Часто думаю и плохо представляю себе ее выросшей. От семьи уже около месяца нет никаких сообщений. Но письма вообще хуже стали поступать. Нет ничего и от Манечки, а сегодня ровно три недели с момента ее отъезда. Быть может теперь они уже сидят за столом в Юматове и рассказывают о нашей жизни!..

30 апреля 1942 г.

Итак — завтра уже первое мая. Время по-прежнему быстро летит. Дни идут размеренно, и хотя работы все еще немного, дни проходят незаметно. «Все пройдет — и разлука пройдет». Все острее и острее тянет к семье.

А между тем неизвестно, что нам сулят майские дни. В ночь на сегодня шел жесточайший обстрел нашего района, пожалуй самый сильный за все время. За три часа было выпущено 65 снарядов! Каждые три минуты с немецкой аккуратностью слышался выстрел, через 6–8 секунд сильнейший металлический свист и скрежет снаряда и оглушительный разрыв, от которого

содрогалось все здание. С чувством безотчетного страха ждешь следующего удара, который, может быть, придется в тебя!.. Как беспомощно, притаившись, лежат люди, покорные своей судьбе! А снаряды действительно ложились совсем близко — метров 200–300 от больницы. Какова-то будет сегодняшняя ночь?!

А утром снова спокойный город, по-праздничному подтянувшийся и подогретый весенним солнцем. В 2 часа дня короткая тревога, залпы зениток и вновь весенняя тишина. Сейчас теплый весенний вечер, в небе беспрерывный гул наших самолетов — их теперь стало много больше, и вылетают они с началом тревоги, а не как раньше лишь с окончанием ее.

Настроение у ленинградцев явно повысилось. К празднику выдали очень много продуктов, а именно: сыра 600 гр., колбасы 300 гр., вина 0,5 л, пива 1,5 л, муки 1 кгр., шоколада 25 гр., табаку 50 гр., чаю 25 гр., сельдей 500 гр. Это помимо всех текущих выдач — мяса, крупы, масла, сахара.

3 мая 1942 г.

День на исходе. Сегодня снова холодно, моросит дождь. Но лето явно приближается — в 10 вечера еще совсем светло, скоро-скоро начнутся мои любимые белые ночи… Праздники прошли удивительно спокойно — было несколько тревог, но бомбы не падали и артобстрела не было.

И тем не менее какое-то тревожное настроение. Всякие ненужные мысли лезут в голову — но это уже от сытости. Голод уже давно забыт, на столе — груда хлеба, не вызывающая никаких эмоций, давно прошли пищевые сновидения. Огорчает отсутствие большой хирургической работы, которая где-то рядом все же имеется. Вся зима по существу прошла в спячке, и теперь хотелось бы по-настоящему окунуться в военную хирургию, тем более что осенний опыт понемногу испаряется. Досадую, что сорвалась работа в госпитале, где потребовали ежедневной работы, или даже мобилизации, но я на это пойти сейчас не могу, да и институт не даст согласия. В соответствии с этим нет в голове хороших мыслей и научная работа по-настоящему не ладится. Берусь за подробный отчет за 1941 год — это окажется интересным — и напишу с Сосняковым «Клинические наблюдения над эпидемией прободных язв», прошедшей через наши руки минувшей осенью.

26 апреля возобновились заседания Пироговского общества. Собралось около 80 человек, из них членов общества около 30. Всего в Ленинграде насчитывается человек 50–55 членов

общества. Заседание открыл Виноградов, произнесший отличную вступительную речь. Избран новый президиум — Петров, Куприянов, Самарин, Виноградов.

В институте как будто бы возобновляются занятия и на нашем курсе, ожидается около сотни студентов. По-прежнему регулярно собирается Совет, занимается вопросами текущей науки (дистрофия, авитаминозы) под эгидой блестящего болтуна Страшуна… Я еще не освоился со своим профессорским званием, может быть я его и не заслуживаю. Но неприязнь джановских прислужниц меня раздражает. Старая часть профессуры, кроме Тушинского, относится ко мне вполне благожелательно.

Первого мая был в гостях у Рейнберга, поделился с ним своими горькими мыслями и нашел в нем очень теплое участие. Он тоже прошел нелегкий путь — и это при его таланте!..

От Муси и дочульки по-прежнему ничего нет. Неизвестна также и судьба Манечки. Доехала ли она благополучно?

8 мая 1942 г.

Все еще очень холодно. Ходим в шубах, небо серое, тусклое, но спокойное. Воздушных налетов после 25 апреля не было, зато обстрел продолжается. Вчера пострадала и улица Марата (большие номера).

Вчера же, после долгого перерыва, снова попал в театр — единственный оставшийся в Ленинграде театр Музкомедии. Шла «Любовь моряка» — очень неплохо поставленная новая оперетта. Театр переполнен, в публике много военных, слышен смех, шутки, не чувствуется пессимизма и уныния.

И вчера же прибыла телеграмма от Манечки с Женей из Балезина — они живы и уже подъезжают к Перми. Это было 21 апреля. Теперь они уже наверно на месте, у счастливой Цилютки и истосковавшейся Масеньки.

Снова обострилось чувство тоски по семье. Опять появились мечты о встрече, о командировке в Юматово. Вчера в институте выяснилось, что до октября занятий по общей хирургии у нас не будет. В связи с этим хочу испытать возможность получения летней командировки в Уфу и с навигацией отправиться к своим. С трудом рисую себе картину нашей встречи!

В городе опять заговорили об эвакуации — открывается водный путь, и говорят, с 10 мая возобновится полоса разъезда.

В клинике работы немного — взялся за годовой отчет, жду от него много интересных данных. Собираюсь обобщить «Клинические наблюдения над последней эпидемией прободных

язв желудка». Готовлю обзор «Хирургические проявления и осложнения авитаминозов».

4 июня 1942 г.

Почти месяц не прикасался к дневнику. А между тем накопились кое-какие новости.

Май прошел относительно спокойно — было лишь несколько налетов, хорошо отраженных, так что мы их особенно не почувствовали. Последние две недели в воздухе и совсем спокойно, хотя дни и ночи стоят более чем летные. Что предвещает нам это затишье? Хочется верить в скорый конец наших испытаний. Последние налеты англичан вселяют много надежд на скорый и крутой перелом военной обстановки. Ждем его уже давно!

Сегодня ровно 11 месяцев со дня разлуки с дочулькой! Тоска по ней усиливается с каждым днем, а между тем надежды на свидание с семьей нет никакой до резкой перемены обстановки. Город по-прежнему блокирован, но вполне «обжился». Стоит изумительная летняя погода, лето в цвету, теплые белые ночи полны весенне-летним ароматом. Ленинград по-прежнему величественно спокоен и красив! Люди подтянулись, девушки хорошо одеваются, большинство из них далеки от дистрофии. Появились улыбки, смех, на лицах не видать уныния. Театры, концерты и кино переполнены… И все это не прерывается свистом снарядов, ежедневно посылаемых немцами на город. Привыкли!

А в институте начались наконец занятия. На 4-м семестре около 50 студентов — для них и ведется курс. 26 мая читал первую лекцию, ходит около 30 человек. По-прежнему регулярно собирается Совет института и занимается учеными делами. Мои личные научные поиски дают кой-какие плоды — 29 мая выступал на конференции с «Авитаминозами в хирургии». Систематизировал наблюдения, оказавшиеся очень интересными, и подготовил к печати этот обзор. Готовим с Николаем «Прободные язвы». Заканчиваем годовой отчет, работа над которым не пропадет даром. Затеял обратное переливание скорбутных асцитов1 — посмотрим, что из этого выйдет! Связался с биохимиками для выяснения, не вымывается ли с асцитом из крови аскорбиновая кислота. Придумал новую повязку для исправления скорбутных контрактур, переделал свою ампулу для переливания крови.

Все это удается потому, что, к счастью, практической работы

сравнительно мало (значит, в воздухе спокойно!). Впрочем, подвозят и ущемленные грыжи, и холециститы, и илеусы, но немного.

14 мая получил от девочек из Уфы телеграмму о благополучном прибытии туда Манечки с вещами. Ехала она ровно месяц. Я бесконечно счастлив, что Цилюточка сейчас уже не одна, тем более что она уже знает о гибели нашего дорогого Яшуньки. Об этом сообщил ей политрук его части. Воображаю, как она читала это страшное письмо. Я обещал заменить Люленьке отца и постараюсь это сделать, если суждено нам снова быть вместе.

Жду от них писем, но уже больше полутора месяцев, с окончания эвакуации, нет ничего. Прорываются лишь отдельные старые письма от марта — апреля месяца. Каково им там живется, как работает Масенька, как они питаются, как выглядит дочулька после целого года разлуки?! Кто мог подумать о возможности такой длительной разлуки?..

А между тем не знаю, долго ли она еще продлится! С трудом, но все же привыкаю к своей холостяцкой жизни. 18 мая переехал из рентгенкабинета, где провел всю зиму (укрываясь от холода под четырьмя одеялами и шубой), в кабинет профессора. Здесь обустроился очень хорошо, со всеми удобствами — провел к дивану свет и радио, хорошо затемнился. На столе плитка — всегда горячий чай.

Питаюсь я сейчас совсем хорошо — больница дает нам с Николаем полное довольствие за сданную карточку, кроме того поддерживают бывшие больные, а ныне мои друзья, отдающие мне «жизнь за жизнь». Давно уже обещают выдать мне академический паек, как будто бы сейчас дело реализуется — станет еще лучше.

Вообще я рад пребыванию в Ленинграде, и если бы нынешнее положение не ухудшалось в военном и бытовом отношении — я готов оставаться ленинградцем до конца войны и ждать возвращения своих сюда.

Какую прекрасную встречу я им приготовлю в обновленной квартире на Марата! Кстати, эта квартира могла быть и вовсе «обновленной». Лишь по счастливой случайности она спасена от пожара, бушевавшего в соседней с нами комнате 24 мая. К счастью, огонь был ликвидирован и все обошлось благополучно.

Вчера, после более чем четырехмесячного пребывания в больнице, отвез стариков домой. С 5 июня они будут получать усиленное питание, думаю, что за лето они несколько окрепнут. Быть может, для удобства питания перевезу их на Марата. Выглядят они немного лучше, чем весной, но очень слабы,

особенно отец. Все же замечательно, что удалось их за волосы вытянуть из страшной пропасти, поглотившей столько тысяч жизней минувшей зимой!

Уже час ночи. Немного прохладная белая ночь полыхает над городом. Тихо. Не слышно даже привычных разрывов. Чем не мирная, летняя ночь?!

8 июня 1942 г. 1 час 15 минут ночи.

Только что закончил письмо домой и собирался лечь, как подан сигнал ночной тревоги. Сон сразу испарился. Как мучительны эти минуты, а иногда часы тревоги, когда каждый миг можешь ждать слепого удара судьбы и оказаться придавленным грудами разрушенного здания… Пока тихо. Тревога длится еще только пятнадцать минут. Давно уже не было ночных тревог. Как они зловещи и тягостны… А потом утром, в суете работы, забываются эти минуты переживаний, каждая из которых стоит года жизни. Как хочется в эти минуты быть где-нибудь далеко, не чувствовать этого близкого мертвящего дыхания войны!

Но пока тихо. И настроение уже постепенно улучшается.

Пожалуй, разденусь и лягу спать!

20 июня 1942 г.

Только что начался артобстрел района. Снаряды ложатся где-то близко, но все же не ближе одного километра, а это значит далеко!.. Поэтому ржавый свист проносящихся над головой снарядов не страшен и не мешает работе.

Сейчас сижу над отчетом, который уже подходит к концу. Скоро заканчиваем с Сосняковым и прободные язвы. Вовсю работаю над кинофильмом «Панариций».1 Эту работу делаю с особым удовольствием. Все же останется память обо мне — самая документальная…

В клинике стало совсем по-европейски — чисто, культурно. Начали большую хирургию — уже делал холецистит, зоб, ампутацию раковой грудной железы, на днях резицирую желудок, предстоит остеосинтез.

Только что передали по радио предупреждение об артобстреле. Вот текст его:

«Внимание, внимание! В связи с артиллерийским обстрелом района предлагается:

1. населению немедленно укрыться в убежищах и щелях;

2. прекратить движение пешеходов и транспорта по обстреливаемым улицам;

3. не скопляться в очередях и у подъездов домов;

4. группам самозащиты занять свои места и быть готовыми к оказанию первой помощи и тушению пожаров».

Снова заговорили об эвакуации института. Пока еще никаких подробных сведений не имею — в понедельник, 22 июня, Совет — узнаю точно. Настроение сейчас оседлое. Очень не хочется трогаться в путь со стариками. Хотелось бы встретить мою маленькую семью здесь, на Марата. Да и столько неоконченных дел!

Из Юматова тоже письма стали немного тревожнее. Беспокоятся сильно обо мне — оно и понятно — да и с питанием стало хуже. Скорей бы уже нам встретиться!

Сейчас передают по радио отбой местной тревоги. Вот текст его:

«Внимание, внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Обстрел района прекратился. Трамвайное и пешеходное движение в районе восстанавливается».

5 июля 1942 г.

И еще один месяц прошел… Лето уже в полном разгаре и, как и в прошлом году, оно очень хорошо. Не слишком жаркое, ровное и благоуханное. Белые ночи в цвету, воздух чистый и спокойный. Так хочется забыть о вой-не и не думать о смерти. А мысли эти все чаще меня посещают. Все не могу отделаться от памятного предсказания!..

Работы сейчас немного, поэтому и остается время для мрачных размышлений… Практической работы мало — в воздухе в течение последних двух недель совсем спокойно. Наукой занимаюсь без большого напряжения. Закончил большой отчет за 1941 год — достойный, думаю, памятник минувшего года. Работа отняла почти два месяца. Сейчас готовлю его к докладу в Горздраве 11 июля.

2 августа докладываю в Пироговском «Прободные язвы». Заканчиваю с Шором просмотр гистологических препаратов. И как легко все эти отдаленные планы могут лопнуть! До какой степени все это шатко и зависит от обстановки… Томительная неопределенность, напряженное ожидание событий, ощущение песчинки в буране — все это очень тяжко!

Вспоминаются минувшие годы, лето в Евпатории, счастливые

и неоцененные дни. «У нас ведь было счастье» — только что это спел по радио Хозе: передают из Филармонии «Кармен»…

Малышка моя с дочулькой все там же. Вчера был ровно год, как я расстался с Ируленькой. Последние дни как-то особенно часто и мучительно хочется увидеть ее, услышать ее голосочек и поцелуть носики…

30 июля 1942 г.

Вот и июль проходит… Кончились белые ночи, вечерами уже веет предосенней прохладой. Все больше говорят о подготовке к зиме. Настроение довольно спокойное, и временами не чувствуешь зловещего дыхания войны.

Весь июль в Ленинграде прошел спокойно. Лишь отдаленная канонада в последние дни напоминала о войне. Значительно реже стали падать и снаряды на улицы города. И только амбразуры, построенные по всему городу, предвещают грозные события. Настанут ли они для нас?.. Вспоминается июль прошлого года, когда заколачивались витрины по городу. Настроение было тогда много хуже — теперь кажется, что все уже нами испытано и ничто особенно не может испугать своей новизной… Вот разве что химия?

Сейчас сидели с Николаем и вспоминали жуткие дни зимы, когда мы как кроты ютились в темном рентгенкабинете, без света, без тепла, без воды, без хлеба… Вспомнили, как ночью привезли прободную язву желудка. После двухчасовых переговоров вымолили ток на полчаса! Как Николай стремглав побежал в рентгенкабинет, где мы и жили и оперировали, и по дороге, споткнувшись о валявшийся труп, растянулся на снегу. Как, натянувши перчатки, мы с ним едва успели зашить отверстие, как свет погас и заканчивать операцию пришлось уже при свече…

Хочется верить, что эта зима будет встречена более подготовленно…

Закончил подготовку к докладу в Пироговском, который, как и намечено, идет 2 августа. Работа получилась интересной. Посмотрим, как ее примут в Обществе…

Безумно тоскую по семье, брежу дочуленькой, разговариваю с ней, зову ее… Когда же наконец я расцелую их!.. Тоска одиночества временами становится невыносимой!

Дома все относительно благополучно. Старики живы, хотя основательно подкосились оба. Об эвакуации без меня не может быть и речи. А обо мне пока и речи нет.

Страшун улетел в Москву — посмотрим, что-то он нам

привезет…

16 августа 1942 г.

Вот и август вступает во вторую половину — следовательно, лето уже на исходе. Быстро же оно прошло!

Сегодня повеяло прошлогодним сентябрем — в 2 часа дня начался артобстрел, снаряды ложились совсем рядом — метрах в 100–200. Через час привезли около пятнадцати раненых и столько же — прямо в прозекторскую… Обработка шла хорошо, на двух столах. Впервые широко применили стрептоцид — местно.

А до сегодняшнего дня было довольно тихо, и временами мы забывали о войне.

Весь июль был дождливый, а в августе установилась хорошая летняя погода. Особенно хороши августовские вечера. Теплые и темные, навевают столько воспоминаний о прошлом…

2 августа докладывал в Хирургическом обществе «Прободные язвы». Все прошло хорошо, хотя «изюминка» — гистология язв — не дошла… Сейчас принимаюсь за работу по гипосульфиту для удлинения сроков консервации крови.

Закончил фильм «Панариций» — собираюсь свезти его в Москву… Но это, увы, пустые мечты.

Вернувшийся из Москвы Страшун привез кое-какие новости. Первые три курса все же эвакуируются в Барнаул или Красноярск, но только… без преподавателей-клиницистов. Я, впрочем, по-прежнему не хочу уезжать — очень уж хочется встретить мою маленькую семью здесь, в обновленной квартире, в первые же недели мира!..

Муся с дочулькой переехали в другое место — тоже под Уфой — и устроились хорошо. Получаю от них частые и хорошие письма. Зовут к себе настоятельно стариков, я уже психологически настроился на их отъезд, но осуществить это вряд ли удастся — уж очень это для них сложно и громоздко.

Но что же нас ждет впереди? Какова будет осень и какова зима? Неужели повторение прошлогодних? Тогда уже вряд ли мне придется продолжить этот дневник…

10 сентября 1942 г.

Итак, уже настала осень. Днем она еще «золотая» — много солнца и временами даже жарко. Но вечера уже прохладные, а по ночам, как и сейчас, барабанит дождь… Осень приносит и более

мрачные мысли о предстоящих испытаниях — бытовых и общих… Очень гнетет невыносимая тоска по своим близким, перспектива встречи с которыми пока беспросветна. Расчеты на командировку в Москву пока не оправдались, а других путей для свидания нет. Когда-то оно еще состоится, да и состоится ли вообще… А между тем дочулька растет в моем вкусе, приобретая очень многое из того, что я и хотел ей привить, пишет замечательные письма и вообще проявляет совершенно явный литературный талант.

Старики пока со мной — за лето они немного «отошли», ехать не хотят, да и сам я их боюсь отпускать. Каково-то им будет зимой?!

На работе все идет благополучно — оперируем сейчас немного, в воздухе с середины августа совсем спокойно. 8 сентября отмечали печальную годовщину первой бомбы, упавшей на Ленинград, но этот день прошел без приключений. Студентов все еще нет — работают на оборонных трассах. Спокойная жизнь в клинике омрачилась крупной неприятностью с Сосняковым, однако надеюсь, что все обойдется благополучно.

Продолжаю заниматься понемногу и наукой. 13 сентября демонстрирую в Хирургическом обществе «новый аппарат для лечения контрактур коленного сустава». Получилась интересная реализация идеи, возникшей «однажды ночью»… Посмотрим, что скажут в Обществе. 19–20 сентября состоится городская конференция хирургов.

18 октября 1942 г.

Больше месяца не прикасался к дневнику — не было событий, достойных записи. Дни за днями быстро отлетают, скоро, глядишь, и год кончится. Оно и лучше, что время так быстро бежит!

Осень в Ленинграде удивительно спокойна — за последние три месяца была лишь одна тревога, 29-го в 7 часов вечера, да и она прошла спокойно. Временами о войне и забываешь — к темноте уже привыкли (как странно было бы видеть сейчас залитый огнями шумный город!), вечера тихие, бесшумные.

Только что вернулся из Филармонии — слушал Пятую симфонию Чайковского, пел Нечаев. Дирижировал Карл Элиасберг. Приятно было забыться на два часа и послушать музыку в прекрасном зале Филармонии. Публики было немного, сидели в пальто — и все же хорошо!

Сегодня же открылся и новый театр в «Комедии».1 Шли «Русские люди». Хочется почаще бывать вне клиники, среди

других людей. Тоскливо…

Может быть потому, что работы теперь мало. В клинике койки не заполнены, плановых операций почти нет, а экстренных тоже немного. Учебная работа тоже замерла — студенты все еще не вернулись с оборонных работ. А научная работа как-то не клеится — нет обычного подъема и рвения к ней. Впрочем, это ведь у меня бывало и раньше.

Прошла хирургическая конференция. Была она в общем довольно бледной — два-три хороших доклада, а остальные… Пироговское собирается аккуратно, но и оно проходит без обычного раньше блеска, без турниров остроумия…

И все же, вспоминая октябрь прошлого года, с его ежедневными и еженощными страшными тревогами, со свистом падающих рядом бомб и разрывами снарядов, с ежеминутным ожиданием смерти, такой реальной и близкой, — вспоминая все это, мы все, ленинградцы, горды и счастливы, что смогли прижать врага к земле и заставили его замолчать. Минувшее лето и половина осени уже полностью искупили наши зимние страдания и пожалуй послужили авансом за будущие возможные испытания. Но все же хочется, чтобы их не было…

Настроение в Ленинграде бодрое, близость фронта не уменьшает уверенности в конечной победе, хочется во что бы то ни стало дождаться ее и видеть агонию Гитлера. До чего же будет интересно быть свидетелем и участником этих великих исторических минут!

Приезжал из Москвы Гирголав, собирал хирургов 10 октября и рассказывал о делах санитарной службы с высоты Москвы. «Служба качества» и специализированная помощь повсеместно — вот отличительные черты нынешней санслужбы, поставленной в общем действительно неплохо.

Прилетал и Джан, но к сожалению на один день — срочно вылетел в Москву по спецвызову.

Мои перспективы на полет в Москву почти растаяли — на днях летит туда Галкин с нашей кинокартиной. Интересно, как ее примут в Москве?!

В институте накопились новости: Страшун, этот вопиющий болтун и бездельник, наконец получает пощечину — за полную беспомощность в деле подготовки к зиме устраняется от всех лечебных дел. Туда назначается наш главврач Максимова — достойная и дельная женщина. Этот садист смог раздуть «дело Соснякова» — это ему по плечу, а провести хоть одно какое-либо подлинное дело в институте за весь год не смог ни разу — и в итоге больница Эрисмана по-прежнему развалена, а больница Карла Маркса вышла на первое место в городе по нынешнему

своему состоянию. И действительно, мы спокойно ждем зимы. Всюду установлены печи, будет вода, свет круглые сутки — вот и сейчас, в полночь, я пишу при ярком свете лампы «под зеленым абажуром».

Страшун допустил никому не нужную апрельскую эвакуацию части института и профессуры в Кисловодск — в итоге бегство оттуда пешком разрозненных групп людей и потеря таких людей, как Чирковский, Останков, Шаак, Космодемьянский, оставшихся по-видимому у немцев… Каково-то им там будет?..

Кстати, узнал от Рейнберга, что бургомистром города «Антонеску» (Одессы) состоит… хирург Часовников. Помнится мне, фигура вполне подходящая для этой роли…

У меня лично жизнь течет без особых приключений. Старики живы, хотя у отца участились приступы сердечной астмы, мать почти вышла из дистрофии — лежит у меня в больнице. Эвакуироваться они не склонны, да и я не настаиваю. Надеюсь, что эта зима будет для них легче минувшей. От Муси с дочулькой имею частые письма. Ирулька растет и наливается как яблочко, прекрасно учится и пишет замечательные письма. Муся подхватила малярию — видимо там ее много, в Башкирии. Цилютка по-прежнему в Юматове, немного утешилась. От Яшуньки из Миасса почти ничего…

2 ноября 1942 г. 23 ч. 15 мин.

Только что началась тревога. Это уже вторая за сегодняшний вечер.

В 9 часов вечера внезапно где-то рядом грохнула бомба — это было неожиданно и довольно страшно. Спустя 15 минут дали тревогу и началась музыка зениток, в том числе и очень близких, с кораблей. Поотвыкли мы уже от этой музыки… И все же как-то страха не испытываю. Не знаю почему! Быть может весь ноябрь будет таким, или это только предпраздничное угощение? Вспоминается прошлогодний ноябрь, вечерняя тревога в ночь на 7-е. Каково-то будет нынче?

А вчера был совсем «мирный» вечер. Состоялся торжественный 47-й выпуск врачей нашего института. Окончило его 222 человека — все мои питомцы. Приятно было поэтому выступить перед ними с прощальным словом и почувствовать на себе дыхание этой общей любви… Моя речь была по-видимому неплохой, потому что была искренней и, говорят, остроумной, хотя без Френкеля мне об этом трудно судить…

После торжественной части был отличный концерт, потом

ужин (по талончикам — рюмка водки, винегрет, 4 кусочка хлеба, 10 гр. масла, 10 гр. икры и 10 гр. сыра — сохраняю для памяти и для сравнения с будущими банкетами!) и наконец танцы. И я потанцевал с моими милыми девушками…

А завтра возобновляются занятия — первая лекция, к которой сейчас и буду готовиться.

Уже скоро полночь, тревога проходит тихо, можно спокойно заниматься.

5 ноября 1942 г. 23 ч. 50 мин.

Начинается, видимо, повторение прошлогоднего. Сегодня в 9.40 вечера дали тревогу — она длилась полтора часа и была сравнительно тихой. Сейчас, только собрался попить вечернего чаю, загрохали зенитки и началась вторая тревога. Слышны отдаленные удары, вроде падающих бомб… Война продолжается!

Удивительна наша психология — она круто меняется в периоды затишья и в период военных бурь, ощущаемых во время тревоги… В эти минуты вспоминаешь, что роковой для меня 1942-й год еще не окончен. Он окончится лишь 31 декабря в полночь!..

7 ноября 1942 г.

Весь праздничный день — удивительно ясный и морозный — прошел спокойно. Зато, видимо, ночь будет «приятной»… В 23 часа началась тревога и вместе с ней загрохали самые близкие зенитки. Вот и сейчас с каждым ударом дребезжат стекла. Ясно слышен омерзительный гул вражеского мотора. Опять сковывает безразличие или равнодушие к опасности, может быть опыт (или отсутствие его — в смысле настоящих близко упавших бомб??), — но только сижу сейчас в кабинете, в клинике, спокойно написал письмо домой и так же спокойно веду эту запись…

24 ноября 1942 г.

Редко обращаюсь к дневнику — нет достойных событий. Настолько обжились в блокаде, что иначе себе и не представляем. «До конца бы войны прожить так», как острят в Ленинграде… И действительно — вчера был в театре, слушал «Онегина». «Комедия» была переполнена, много военных, публика очень

оживлена, светло, но… холодно и все в пальто. Пели Нечаев, Легков, Елизарова — пели неплохо.

А днем проезжавший грузовик обронил у трамвайной остановки десятка два картошек. Стоило посмотреть, как бросился народ их подбирать! Голодно еще в Ленинграде!

Последние два дня принесли радостные вести со сталинградского фронта — вместе с африканскими событиями это звучит хорошо…

Быть может уже недолго ждать встречи с семьей, с дочулькой!

29 декабря 1942 г. 23 ч. 50 мин.

Только что началась тревога — третья по счету сегодня. Но в последнее время тревоги в общем тихие. Сегодня же был и изрядный артобстрел — доставили тяжелораненого: открытый перелом бедра, слепое осколочное ранение.

У нас большая радость — 27-го неожиданно приехал Яшунька. Хотя мы и знали о его сборах, не верилось, что ему удастся до нас добраться.

И все же настойчивость победила — после трехнедельного пребывания в Москве он добрался до нас. Ладожское он переехал по льду, хотя лед-то еще не настоящий. Стоит удивительная зима — весь декабрь была оттепель и только сегодня немного подмерзло. Эта игра природы в нынешнем году неблагоприятна для города, так как связь с большой землей сильно затруднена.

В связи с приездом Яши снова возникли у меня планы и надежды на встречу со своими. Хочу сделать попытку получить командировку на месяц-полтора, тем более что до 15 февраля занятия в институте прерываются. Однако шансы на такую командировку невелики. Безумно хочется повидать дочульку и Маську.

Сейчас бахнули рядом стоящие зенитки с грохотом, давно не слышанным — еще сейчас дребезжат стекла и самому стало не по себе от неожиданности. Слышен гудящий мотор немецкого самолета — вот-вот засвистит бомба… Утихают зенитки…

Мать лежит в соседней палате и ежится от страха. Ее состояние все еще не улучшается. Отец дома, но на днях и он ляжет в больницу.

Итак — через два дня встреча Нового года. Кончится роковой — сорок второй. Что-то нам принесет сорок третий?

14 января 1943 г.

Сегодня с обеда — сильный артобстрел района. Вечером завезли раненых — двое тяжелых, остальные полегче. Ежедневно по нескольку тревог, но проходят они спокойно, хотя зенитная пальба отчаянная. Яшунька уехал 5 января, и 9 января была телеграмма из Пестова. Теперь он уже вероятно в Уфе и рассказывает нашим о Ленинграде.

Вчера отмечал трехлетие со дня защиты диссертации. Быстро же и полнокровно прошли эти три года! Сейчас мама вспоминает, как ровно 22 года тому назад я свез ее, истекавшую кровью, в больницу в Свердловске…

Стрельба все нарастает, снаряды рвутся где-то совсем рядом.

Тем не менее Ленинград в январе 43-го не тот, что в январе 42-го. Город не мертвый, как тогда. Днем всюду оживление, бегут трамваи и авто, открыты почти все кино, театры, Филармония. Во многих местах — электрический свет. Вот и сейчас пишу в теплом кабинете при ярком свете лампы под зеленым абажуром…

Наукой занимаюсь мало, минувший год принес мало хирургического опыта. Учебные занятия прошли хорошо — 31 декабря закончил учебный год, а 10 января и экзамены.

Старики теперь оба в больнице, где проживут, надеюсь, до весны.

А стрельба продолжается и даже нарастает, приближаясь к нам. Звуки весьма неприятные, хотя и привычные.

18 января 1943 г. 23 ч.

Только что передали по радио: блокада Ленинграда прорвана! Войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились! Взяты Шлиссельбург, Синявино, Дубровка и много других пунктов.

Итак — близится финиш. Испытание подходит к концу, игра выиграна!

Семнадцать месяцев блокады, которые мы провели в стенах города и провели стойко, закончились. Долго же будем помнить многое из пережитого за эти семнадцать месяцев. И многое будем вспоминать с сожалением. Как это ни парадоксально, но мы за последнее время «обжились» в бло-каде. А может это была только всесильная привычка?

23 января 1943 г. 23 ч.

Медаль повернулась оборотной стороной. Сегодня в 8 часов

вечера где-то близко упала бомба. С этого началась тревога, забили зенитки и все шло как обычно. Однако около 9 часов вечера бомба грохнулась где-то рядом — здание заходило ходуном, напомнив незабываемые дни сентября 1941 года. Сейчас привезли раненых — иду…

25 января 1943 г. 23 ч. 30 мин.

В эти страшные ночи берусь за дневник с чувством сомнения — придется ли мне его перечитывать.

Ночь на сегодня была поистине ужасной. После вечерней тревоги, длившейся до глубокой ночи, часа два было спокойно. В 5 часов утра началась новая тревога. В 6.30 утра — впечатление грохота от падающего здания, звон летящих стекол, крики — это бомба попала в пароход, стоящий на приколе против здания больницы, буквально в ста шагах! Какая пустая случайность отделяет нас от смерти, глупой, отвратительной и тяжелой смерти! В эти минуты думаешь о счастливых уфимцах, о стариках, лежащих где-то рядом, о себе… А что о себе думаешь — не могу понять, какое-то притупление. И не от привычки, потому что я не привык к такому близкому падению бомб, как вчера. А от неприятного равнодушия и бессильной злобы. От чувства неотвратимости удара и всемогущей «случайности» жизни и смерти!

В ночь с 23-го на 24-е мы обработали около 50 человек — бомба попала в общежитие фабрики «Работница», в полукилометре от нас.

Сегодня утром доставили нескольких моряков с пораженного корабля. Отделение заполнено — в операционной выворочены стекла и рамы, пришлось развернуться в перевязочной, окна которой случайно уцелели…

Только что затихли зенитки, от каждого их удара дребезжат стекла, меркнет свет. Как неприятно отражается каждый удар, где-то под ложечкой. И это вовсе не страх смерти: это отвращение ко всей этой увертюре смерти, может быть это уже близкая к пределу изношенность нервов!

Хорошо, что Яшунька не понюхал всего этого. У него осталось впечатление о Ленинграде как о курортном тыловом городе. Увы, это далеко не так!

Сегодня состоялось заседание Ученого совета института. Директор делал доклад о 1942 годе. Нарисовал радужные перспективы будущего вплоть до 1947 года, когда институт будет отмечать свое пятидесятилетие. Что же, надо готовиться и к

этому!

14 февраля 1943 г.

«Смешанная инфекция» — тревога и тяжелый, близкий обстрел. Снаряды рвутся где-то совсем рядом — здание сотрясается, дребезжат стекла. Выстрел и разрыв с долгим раскатистым эхом. Часто тикает метроном… Тревога продолжается.

За истекший месяц особых событий не было. Яшунька благополучно вернулся в Миасс, через Москву и Уфу. Подробных писем еще не было.

В Уфе все благополучно. Старики живы, в больнице. Завтра начинаю работу в госпитале, где буду бывать четыре раза в неделю.

Только что передали очередной «Последний час». Вот текст передачи:

«Сегодня, 14 февраля, сломив упорное сопротивление врага, войска Южного фронта под командованием генерал-полковника Малиновского заняли Ростов-на-Дону».

Взятие Ростова имеет огромное значение. Оно означает фактическую гибель всей южной (кавказской) группировки немцев, пути отхода которой теперь закрыты, если не считать попытки отвести армию через Керченский пролив.

Завтра начинаю новый учебный год. Во вторник вступительная лекция.

19 февраля 1943 г.

Почти ежедневно после 11 часов вечера ожидаем сообщения «В последний час» — сейчас передают сообщение о занятии Люботина, Мерефы, Обояни. 16 февраля взят Харьков! Это все огромные победы, но по карте кажется — так мало! Хочется скорее!

Последние дни принесли мне много тяжелых переживаний. 16 февраля имел крупный конфликт с главврачом Максимовой — женщиной крайне низкой морали. Был доведен до того, что выгнал ее из отделения. Результатом явилась ожесточенная контратака с ее стороны, с возможным снятием меня с заведования по больнице. Борьба продолжается.

А в госпитале — работа необъятная. Чувствую себя и принят я там хорошо, однако боюсь, что не охватить всей работы. Туда,

по-настоящему, надо уйти с головой на все время, а это невозможно. Посмотрим, что принесет ближайшее будущее.

21 февраля 1943 г.

Только что передали по радио, что нормы отпуска хлеба с 22 февраля повышаются: рабочим и ИТР — 600 гр., служащим — 500 гр., иждивенцам — 400 гр.

(Далее следуют записи на листках настольного перекидного календаря.)

20 марта 1943, суббота

Начинаю вести ежедневную запись ленинградских событий.

В 20.30 началась тревога. Сильный зенитный огонь.

22.55 — отбой. Тревога прошла спокойно.

Сегодня закрывал каловый свищ, большая резекция кишки. Тяжелое общее состояние. Вечером наладил капельное вливание противошокового раствора.

21 марта 1943, воскресенье

В 5.30 утра началась тревога и сразу же активный зенитный огонь, приближающийся к нам. Вот сильно ударили рядом с нами. Бомбы пока не падают.

Очень тяжелая оперированная вчера больная.

В 6 ч. утра новая тревога. В 9.15 объявлен обстрел района. В 11 ч. объявлено прекращение обстрела.

Сегодня был в театре, смотрел «Летучую мышь». В начале 3-го акта объявили тревогу и предложили всем зрителям оставить зал. Домой возвращался при сильном зенитном огне. Сейчас 21 час. Тревога продолжается.

После переливания крови и капельного вливания противошокового раствора моей больной несколько лучше.

23 марта 1943, вторник

День прошел спокойно. Лишь в 22.15 началась тревога, длящаяся уже более 2-х часов.

Сегодня взял билеты в Большой драматический театр, вернувшийся недавно в Ленинград.

4.33 ночи. Где-то совсем близко упали подряд три бомбы — здание заходило ходуном, как было в сентябре 41 года.

25 марта 1943, четверг

День прошел спокойно. Вечер провел в театре, смотрел «Отчизну» — отличный спектакль.

27 марта 1943, суббота

День прошел спокойно. Вечером был на открытии Большого драматического театра. Театр выглядел совсем по-праздничному, тепло и светло. Впервые за время войны видел публику в театре без пальто. Шла комедия «Давным-давно». Замечательный спектакль!

29 марта 1943, понедельник

День прошел спокойно. Работал в госпитале.

31 марта 1943, среда

Утром был вызван в госпиталь для срочной операции — осколочное ранение брюшной полости у медсестры, ранение пузыря и тонкого кишечника.

Весь день массированный артобстрел.

1 апреля 1943, четверг

Вторично смотрел «Отчизну» с прежним удовольствием.

3 апреля 1943, суббота

Ясная солнечная погода. В связи с этим с утра — тревоги, к счастью, тихие. Вспоминается 4 апреля прошлого года — большой налет на город.

22.40 началась очередная тревога. 23.05 отбой.

5 апреля 1943, понедельник

21.30 началась тревога. Пока тихо. Стоит теплая предвесенняя погода. Вечера светлые, чувствуется приближение белых ночей.

22.30 отбой. 22.45 новая тревога. Всю ночь длился большой налет.

7 апреля 1943, среда

День спокойный. Пасмурная погода. Ветер, снег. Идет ладожский лед.

9 апреля 1943, пятница

День прошел спокойно. Ночью началась тревога. Отбоя не слышал — заснул.

11 апреля 1943, воскресенье

Поздно вернулся из госпиталя. Шел во время «тихой» тревоги. Прохладная, ветреная ночь.

13 апреля 1943, вторник

Продолжаются ежедневные тревоги. Последняя началась в 10 ч. веч. и закончилась в 0.50. Все тихо.

15 апреля 1943, четверг

Каждую ночь тревоги, сравнительно спокойные. Завтра оперирую в госпитале аневризму подключичной артерии.

16 апреля 1943 г.

С 20 марта веду ежедневные записи на перекидном календаре, поэтому долго не писал дневник.

Вчера исполнилось два месяца моей работы в госпитале. Они

омрачены очень тяжким случаем смерти на столе раненого с аневризмой подключичной артерии и вены. Операция шла очень гладко и анатомично, но в момент проведения Дешампа1 под вену произошел разрыв ее, открылось сильнейшее кровотечение, из-за близости мешка вена рвалась, перевязка (нрзб) тоже ничего не дала и больной в конце концов остался на столе.

Всему этому способствовал жестокий обстрел, причем в самый острый момент снаряд попал в здание госпиталя в 15 метрах от операционной, из окна которой все это было видно. Обстановка, мало благоприятствовавшая подобной операции.

Вернувшись в клинику, застал большую партию свежих раненых, доставленных после обстрела. Только началась их обработка, как дали тревогу — бомбы падали совсем близко, зенитки били так, что стены дрожали, наконец погас свет. В это время шла лапаротомия (ранение почки и толстой кишки), которую кончал при летучей мыши. Тревога была «смешанной» — одновременно налет с воздуха и близкий артобстрел. Слышны были все доступные нам звуки — гул немецкого мотора, удары зениток, разрывы бомб, свист снарядов и их разрывы. Тут уж самые крепкие нервы не выдержат!

А надо выдержать!

(Снова записи на календаре.)

17 апреля 1943, суббота

Невыносимая тоска весь день. Не могу прийти в себя после вчерашнего потрясения. 21.10 очередная сирена. Нервы сдают! В 22.30 отбой. Перед самым концом тревоги где-то близко разорвался снаряд, так что здание заходило.

23.30 начался артобстрел района.

20 апреля 1943, вторник

Каждую ночь — тревоги.

21 апреля 1943, среда

22.15 опять сирена!

23 апреля 1943, пятница

Сегодня пасмурно и тихо.

25 апреля 1943, воскресенье

Все спокойно. Весна уже чувствуется во всем.

27 апреля 1943, вторник

День прошел спокойно.

2 мая 1943, воскресенье

12 ч. 15 мин. ночи — началась тревога. Ночь ясная и темная.

4 мая 1943, вторник

23.55. Светлая звездная ночь. Началась воздушная тревога. Сирена.

5 мая 1943, среда

Небо изрезано прожекторами. Вспыхивают оранжевые разрывы зенитных снарядов. Идет очередной ночной налет. Красивое зрелище на фоне начинающейся белой ночи. Не спится…

7 мая 1943, пятница

Дни стали спокойнее. Стоит прекрасная ранняя весенняя погода…

9 мая 1943, воскресенье

И сегодня ночная тревога.

11 мая 1943, вторник

А сегодня небо очистилось и в 23.15 очередная тревога.

13 мая 1943, четверг

И сегодня ровно в 23.55 тревога.

15 мая 1943, суббота

23.40. Несколько раньше обычного знакомый звук сирены.

18 мая 1943, вторник

С немецкой точностью — 23.45 — очередная тревога. Ясная белая ночь.

На этом записи обрываются. 25 мая днем, торопясь на совещание в Институт переливания крови на 2-й Советской, Борис Петрович Абрамсон погиб от случайного осколка бомбы на пороге института.

Публикация И. Комаровой